

Современность.
В поисках новых измерений

Вызовы трансидентичности

Редакция возвращается к попыткам философского осмысления характеристик современности. Ранее в серии публикаций были предложены различные основания такого осмысления. В.А. Сулимов связывал эти основания с критикой современных культурных и интеллектуальных практик (ФН. 3/2013), С.С. Гусев (ФН. 4/2013), а затем Г.Л. Тульчинский (ФН. 5/2013) – с поиском новых горизонтов трансцендентного на основе синтеза науки, искусства, философии и религиозного опыта, накоплением все большего разнообразия социально-культурных форм, утратой образа будущего. С.В. Герасимов (ФН. 12/2013) связал возможности нового синтеза с ответственной социальной коммуникацией. О.В. Долженко и О.И. Тарасова, А.И. Ракилов и А.Э. Анисимова (ФН. 4/2014) – с трансформацией системы образования. Ю.А. Ротенфельд (ФН. 5/2014) – со спецификой социальных отношений в постиндустриальном обществе.

В предлагаемой вниманию читателей статье С.В. Акопова специфика современности и перспективы поиска нового опыта трансценденции связываются с персонологическим измерением. Действительно, всякая культура реализуется и развивается только благодаря своему источнику, средству и результату, в качестве которых выступает личность.

Редакция и в дальнейшем рассчитывает на расширение круга рассматриваемых характеристик современности.

Г.Л. Тульчинский, руководитель проекта

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ

С.В. АКОПОВ

Вступая в дискуссию, открытую журналом «Философские науки» по теме «Современность. В поисках новых измерений», за исходный пункт размышлений можно взять следующее положение, высказанное на тему новых измерений современности Г.Л. Тульчинским: «Человек – не самодостаточен, а возможно и не самоцелен, не самоценен. Он – принципиально открытая система, открытая для осмысления и переосмысления. Возникает запрос на некую новую “позицию вненаходимости”, в том числе в контексте постчеловечности... Но это предполагает уяснение и принятие каких-то новых исходных оснований,

онтологических допущений сущего... А значит и — одновременное открытие новых горизонтов трансцендентного»¹.

В этой связи сформулируем наш исследовательский вопрос: каким образом новая «позиция вненаходимости» или новые горизонты трансцендентного будут соотноситься с преобладающей на сегодняшний день политической картиной мира и идентификацией с моделью национального государства? Иначе говоря, если «во вновь расширяющемся в запредельное конусе свободы и ответственности их субстанция становится виртуальной, а идентификация, определение границ личности — труднодоступной здравому смыслу и обыденной практике [если. — С. А.] Я превращается в точку сборки, немонотонную волну свободы и ответственности, странника в стихиях модального бытия»², то будет ли этот трансцендентальный субъект в политическом отношении патриотом, космополитом и вообще какая среда будет порождать такого трансцендентного субъекта на уровне макросообщества?

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо понять: есть ли реальные предпосылки (социально-экономические и технологические основания), чтобы говорить о кристаллизации «новых горизонтов трансцендентного»? На наш взгляд, первым таким важным процессом можно считать становление сетевого общества, т.е. того, что Л. Болтански и Э. Кьяпелло емко охарактеризовали как «жизнь в сети» или жизнь в рамках «проектного града». Не случайно, анализируя дискурс менеджмента 1990-х гг., французские социологи отмечали возникновение новой идеологической конфигурации, связанной с «глубинным преобразованием духа капитализма», начиная с 1960-х гг. проявившемся в замене жесткой иерархии гибкими новаторскими «интуитивными менеджерами». Последние выступают в роли «вдохновителей», «координаторов команд» — лидеров, способных без применения силы обеспечить вовлеченность работников в процесс труда и наделить труд каждого определенным смыслом³. На место внешнего контроля со стороны «начальства» приходит самоконтроль (переход от «фордизма» к «тойотизму»), вместо иерархии разрабатывается система «доверия», вкладываются средства в развитие «корпоративной культуры» и «командного духа». Решая две проблемы — ухода от авторитарности и достижения гибкости и реактивности компании, по мнению Л. Болтански и Э. Кьяпелло, исследователи 1990-х гг. сходятся вокруг идеи *метафоры сети* как специфической формы между иерархией и рынком⁴.

Однако чтобы научиться «жить в сети», согласно наблюдению французских исследователей, необходимо собрать воедино самые разнообразные компетенции. Это может быть достигнуто за счет личного самосовершенствования через множество проектов под девизом «гибкость, креативность, реактивность»: «Новые методы орга-

низации ведут к разрушению бюрократической тюрьмы, позволяя работать с людьми, находящимися на другом конце света, с другими предприятиями, другими культурами»⁵. Подвижный и гибкий мир, образованный из многочисленных проектов, осуществляемых независимыми личностями, французские ученые назвали «проектным градом»⁶.

На теоретическом уровне схожую эволюцию современной политической картины мира прослеживает Г.Л. Тульчинский, отмечающий, что «в настоящее время, в силу ряда общецивилизационных факторов, активно формируется новая персонология, в которой личность во все большей степени предстает как проект, или даже — как серия проектов»⁷. По мнению петербургского философа, *проектно-брендовой идентификации* личности способствуют условия информационного общества, массовой культуры и рыночной экономики. Одновременно в искусстве и в политике мы имеем дело с нарастанием личностных автопроектов, в том числе таких, которые построены на преодолении расовых, гендерных, возрастных, и даже просто человеческих характеристик идентификации⁸.

Представляется, что и у Г.Л. Тульчинского, и в работе французских социологов можно констатировать своеобразный экзистенциально-коммуникативный поворот — обращение к человеческому существованию, к частному жизненному миру. «В ретикулярном мире социальная жизнь сплетается из сети встреч и знакомств, из временных, но постоянно готовых возобновиться связей с различными группами, причем этим связям не мешает дистанция — социальная, профессиональная, географическая, культурная... “Проект” — вот удобный случай и повод для установления таких связей»⁹. Можно сказать, что человеческая жизнь оказывается инвестированной в сеть проектов, в рамках которых протекает человеческое существование и становление, пульсируя и временно оживая от «проекта» к новому «проекту». Более того, тому, кто, не имея проектов, не исследует сети, угрожает исключение, что равнозначно смерти в этом ретикулярном мире. Он рискует лишиться всякой возможности включиться в проект и продлить свое существование¹⁰. Последнюю мысль Болтански и Кьяпелло можно сравнить с высказыванием К. Ясперса, полагавшего, что именно «в коммуникации заключены истоки истины. Человек находит в мире другого человека как единственную действительность, с которой он объединится в понимании и доверии. На всех ступенях объединения людей попутчики по судьбе, любя, находят путь к истине, который теряется в изоляции, в упрямстве и в своеволии, в замкнутом одиночестве»¹¹.

Понятие сети сразу оказалось в тесной связи с французским постструктурализмом, в частности, работами Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Именно эти авторы предложили новый аппарат: «ризому» (в которой

каждая точка связана с каждой иной точкой); «детерриторизация» (процесс оставления территории и ускользания от цивилизации); «машина желания» (наше тело, включенное в экономику капитализма) и «номадология» (современные «племена», напоминающие кочевников древности и бросающие вызов репрессивному аппарату цивилизации или государства)¹². Номадологический проект Делеза и Гваттари ставит проблему взаимодействия линейных («древовидных») и нелинейных («ризоморфных») сред. «Ризома» у французских постструктуралистов не начинается и никогда не заканчивается. Она — в середине, между вещью как между-бытие, некое *интермеццо*. Если дерево олицетворяет собой некую преемственность и, в конечном счете, государство, то ризома — только союз «и». Дерево навязывает глагол «быть», но ризома противостоит принципу «дерева», так как она соткана из «и ... и ... и ...». Причем Делез и Гваттари считают, что в союзе «и» достаточно силы, чтобы надломить и вырвать с корнем «дерево» глагола «быть». По аналогичному же принципу построена и их концепция «номадологии». В то время как мигрант бежит, покидая пространство, кочевник — это тот, кто не уходит и не хочет уходить. Наоборот, он сцепляется с этим гладким пространством, со степью, с растущей пустыней, изобретая кочевой образ жизни как ответ на вызов. В подобном присвоении пространства заключается его детерриторизация. Номад движется, но сидя (как движется бедуин, сидя верхом на седле). Не двигаясь, номад достигает баланса и, одновременно, пребывая в бесконечном терпении, обретает скорость¹³.

В этом смысле номад Делеза и Гваттари похож на человека из «проектного града» Болтански и Кыяпелло. У последних «проект» — это активный отрезок сети, который достигает максимальной мощности на относительно коротком промежутке времени, но всегда оставляет участникам проекта после своей реализации латентную возможность свою связь возобновить¹⁴. Подобно этому и «номад» Делеза и Гваттари как бы постоянно «сидит в сети», обретая неожиданное ускорение в своем относительно пустынном ризоматическом пространстве.

Однако каким образом идея «ризомы» (модель «и ... и ... и ...») может влиять на формирование модели транснациональной идентичности? Например, академик Ю.С. Пивоваров, обращая внимание на возмозможностный подход, обеспечивающий свободу выбора идентичности человека, приводил в пример спор о том, является ли Россия частью Европы (отсталой, особой) или самостоятельной цивилизацией: «Эта дискуссия измотала, обескровила русскую мысль (одновременно — это ее фирменный знак, ее блеск и завораживающие прозрения). *Возможностная* позиция переводит спор в иную плоскость и напоминает идеи «*поссибилизма*» во французской школе геополитики В. де ля Бланша»¹⁵. Согласно Ю.С. Пивоварову, можно одновременно выбирать европейскую идентичность и русскую идентичность.

Именно «и», а не «или». За нами и Россией свобода выбора, чем мы хотим быть или стать, чем являемся и чем нет. «При этом, повторю, возможно «и». Другими словами (открываю карты), свобода выбора идентичностей и есть важнейшая из идентичностей, и есть онтология историософии, самопознания»¹⁶. Последняя ремарка Ю.С. Пивоварова представляется квинтэссенцией «транснационального» принципа выстраивания политической идентификации и напоминает модель построения одновременной идентичности (*simultaneous identity*), описанной на примере политики идентичности испано- и англоязычного населения города Вашингтон у С. Норри¹⁷.

Второе важное основание «новых горизонтов трансцендентного» связано с социально-экономическими изменениями, описанными в работах испанского социолога М. Кастельса. Последний полагает, что в конце XX в. сложилась «информационная» или «глобальная» экономика нового типа. Информационная — потому что производительность и конкурентоспособность любого субъекта экономики (будь то фирма, регион или нация) зависят в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию. Глобальная — потому что основные виды экономической деятельности (производство, потребление, циркуляция товаров и услуг), а также капитал, труд, сырье, управление, информация, технология, рынки — все это организуется в глобальном масштабе с использованием разветвленной сети, связывающей экономических агентов. «Информационная и глобальная, — подчеркивает испанский социолог, — потому что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети»¹⁸.

По мнению Кастельса, принципиальное отличие информационно-технологической революции по сравнению с ее историческими предшественниками состоит в том, что если прежние технологические революции надолго оставались на ограниченной территории, то новые информационные технологии почти мгновенно охватывают пространство всей планеты. Однако здесь есть своя опасность. Поскольку скорость развития информационных технологий в разных регионах отличается, то, согласно Кастельсу, существует угроза исключения целых национальных и даже континентальных экономик (например, Африки) из мировой информационной системы, а соответственно и из мировой системы разделения труда.

Кастельс подчеркивает, что сетевое сообщество создается сетями производства, власти и опыта, которые в глобальных потоках, пересекающих время и пространство, образуют принципиально новую культуру виртуальности¹⁹. Вместе с тем общества, согласно его мнению, оказываются с разной интенсивностью пронизанными новым

сетевым принципом организации. Это обстоятельство может приводить к фрагментации: не исключено, что «мы сможем наблюдать, как господствующие мировые элиты окапываются в нематериальных дворцах, созданных из коммуникационных сетей и информационных потоков. В то же время опыт людей будет ограничиваться многочисленными сегрегированными локальностями... фрагментированными в их сознании. Не имея Зимнего дворца как цели захвата, взрывы протеста будут просто охлопываться, трансформируясь в повседневное бессмысленное насилие»²⁰. Что же требуется для того чтобы от «идентичности сопротивления» перейти к «идентичности проекта»? М. Кастельс считает, что для этого должна возникнуть *новая политика*, предполагающая полную информированность людей и их готовность активно брать на себя социально-политическую и экологическую ответственность в масштабах всей планеты.

Третья предпосылка расширения «горизонтов трансцендентного» связана с тем, что, как отмечает О.Ю. Малинова, помимо экономических процессов происходит серьезная трансформация публичной сферы и идейно-символического пространства под воздействием Интернета²¹. Петербургские исследователи Л.В. Балахонская и И.А. Быков полагают, что развитие пространства Интернета приводит к становлению так называемой «сетевой философии», которая в свою очередь базируется на принципах свободы информации и отличается ярким индивидуализмом, приматом неформального перед формальным, а иногда даже внегосударственностью²². По их мнению, современная «сетевая» философия включает такие течения, как хакерство, киберанархизм и сетевое либертарианство. Классическим выражением такого направления сетевой философии как киберанархизм можно считать «Манифест Киберпанка» К. Кирчева (1997), написанный для людей, живущих в киберпространстве и не ведающих границ. Киберпанки призваны бороться с так называемой «Системой», в которой Кирчев видел собирательный образ государств, корпораций, норм права и устоявшегося стиля жизни. В Системе идеалом считается то, чему следует большинство, а человеческая индивидуальность оказывается забытой. Поэтому люди в Системе думают одинаково, используя выученные с детства клише²³. В 1996 г. в своей работе «Декларация независимости киберпространства» классик сетевого либертарианства Дж. Барлоу выдвинул в чем-то близкие Кирчеву положения: индивидуализм, представление о человеке как о нематериальном объекте или, как минимум, гражданине мира; свобода слова; сетевое самоуправление на основе не правовых, а этических норм. И. Быков полагает, что одним из направлений практической реализации философии сетевого либертарианства сегодня можно считать так называемую концепцию «копилефта», созданную нью-йоркским основателем «Лиги за свободу программирования»

Р. Столлманом²⁴. Концепция «копилефта» есть результат игры слов и противопоставления «копирайту», который не должен ограничивать свободу дальнейшего распространения любого текста или компьютерной программы (при этом обязательно сохраняя упоминание об их авторе). Идея «открытых исходников» Столлмана стала основой для таких явлений, как бесплатная операционная компьютерная система Linux и «Википедия».

Четвертое основание расширения горизонтов трансцендентного и, в конечном итоге, транснационального, связано не столько с технологиями Интернета, сколько с тем, что немецкий социолог У. Бек назвал «космополитическим поворотом» в развитии человечества и «эпохой космополитизации». Последняя характеризуется тем, что, по выражению Бека, глобальный Другой уже находится среди нас²⁵. В подтверждение этого тезиса Бек приводит в пример победу глобальной трансплантологической хирургии: «В индивидуальных телесных конфигурациях континенты, расы, классы, нации и религии — все смешивается. “Мусульманские” почки очищают “христианскую” кровь. Представители “белой расы” дышат легкими чернокожих. Белокурый менеджер взирает на мир глазами африканского уличного мальчишки. Католический священник остается в живых благодаря почке, взятой у проститутки из бразильской фавелы. Тела богачей становятся лоскутными одеялами, а бедняки, в свою очередь, превращаются в реальных или потенциальных депозитариев запасных частей»²⁶.

Каким образом «транс» глобальных трансплантологических технологий Бека связано с «транс», но уже в рамках транснациональных идентичностей? Это связано с критикой Беком национальной парадигмы. В основе современных политических и социальных научных референций, по мнению немецкого ученого, лежит понятие национального государства. Именно «националистический взгляд» на общество и политику, закон, справедливость и историю господствует на сегодняшний день над политическим и социологическим воображением²⁷.

Утверждение о том, что космополитизм есть нереалистическая идеология, Бек переворачивает «с ног на голову» заявляя: «Защитники национального — вот кто истинные идеалисты. Они смотрят на реальность через потертые националистические очки, не позволяющие разглядеть происходящие в реальности изменения, и это делает их теории старомодными и ошибочными... В мире риска национализм становится врагом нации. Следовательно, космополитизация — это исследовательская перспектива, политическая реальность и нормативная теория. Это критическая теория нашего времени, поскольку она бросает вызов наиболее фундаментальной из наших истин — истине национального»²⁸. По мнению немецкого социолога, методоло-

гический национализм мешает общественным наукам постичь суть политической динамики мира риска. Речь идет о рисках как предчувствиях глобальных катастроф (таких как изменение климата, финансовый кризис и др.); т.е., «говоря политически, глобальные риски создают глобальную публику, которая мобилизует людей поверх всех границ — национальных, религиозных, этнических и т.д.»²⁹

Происходящее смешение культур, рас и наций, подчеркнутое выше даже на уровне физиологии У. Бэком, идет параллельно процессу *креолизации культур*. Большой вклад в разработку концепции креолизации культур внес норвежский антрополог Т. Эриксен. В книге, вышедшей под его редакцией, он дает определение нескольким важным концептам, в частности «креолизации»: *креолизация* — культурный феномен, связанный с перемещением и последующим социальным соприкосновением и взаимовлиянием между двумя (или более) группами, в результате чего возникает постоянный динамический взаимообмен символами и практиками, создающий новые социальные формы с варьирующимися степенями стабильности³⁰.

К сожалению, в современной академической литературе мы фактически лишены четких критериев, кого считать «креолами». Сам же Т. Эриксен в эмпирических исследованиях показывает, что существует слишком много «входов» в состояние «креолизации». Кто-то рождается креолом, кто-то достигает этого состояния с возрастом, а другие, например дети от смешанных браков, наследуют «креольство» от родителей. Соответственно мы получаем креолов, выступающих против креолизации и за мультикультурализм, т.е. за четкие групповые идентичности и четкие границы между идентичностями. Но точно также мы можем обнаружить не-креолов, выбирающих креолизацию как взаимовлияние культур и индивидуализм³¹.

Тем не менее, учитывая все вышесказанное, можно рассматривать процесс креолизации как альтернативу нациецентричной картине мира. Например, в расчет следует брать такие характеристики креолизации, как подвижность и открытость самоидентификаций, толерантное отношение к межкультурным бракам, культурным смешениям и индивидуализму. Однако в силу трех названных причин, думается, что термин «креолизация» лучше было бы заменить другим выражением Т. Эриксона — «кросс-культурное взаимообогащение» (*intergroup cross-fertilization*)³². Развитие последней идеи мы находим у оксфордского профессора Р. Кохена, который подразумевает, что участники процесса креолизации выбирают определенные элементы из унаследованных и привходящих культур, наделяют их новыми смыслами и смешивают для создания новых культурных форм. Кохен рассматривает креолизацию не только как этнографический феномен, но и как интеллектуальное политическое движение («креолизация мира», «каждодневный космополитизм»)³³, и даже как «мимолетную власть» (*fugitive power*)³⁴.

Итак, мы рассмотрели несколько важных, но весьма общих социально-экономических и технологических предпосылок кристаллизации «новых горизонтов трансцендентного». Однако кем будет этот трансцендентальный субъект в политическом отношении к национальному государству? Каким образом это может выражаться в конкретных политических нарративах и элементах «политической картины мира»?

Если под политической картиной мира мы будем понимать *подвижную* систему связанных образов и представлений о власти, ее механизмах и конфигурации в окружающей действительности³⁵, тогда транснациональный тип политической картины мира раскрывается через такие признаки и элементы как множественная идентичность, культурная креолизация и мультилингвизм. Формирование подобной картины мира может быть связано с наличием у человека нескольких «духовных» родин, с практиками приобщения к двум и более традициям высшего образования, с укорененностью в нескольких образах жизни. «Транснациональное» можно определить как наличие множественных связей и взаимодействий, соединяющих людей или институты сквозь границы национальных государств. Причем, если под «интернациональным» понимаются взаимодействия, соединяющие людей или институты сквозь границы, но на уровне государств, то под «транснациональным» понимается такое же взаимодействие, но уже между негосударственными акторами. Это дает некоторым авторам основания попытаться отойти от принципа методологического национализма и понимать под транснациональными исследованиями область кросс-граничного и полилокального взаимодействия негосударственных акторов, а также считать перспективной единицей в рамках транснациональных исследований именно транснациональные организации *мезо уровня*³⁶. Такое разграничение развивает определение «транснационального», данное в теории международных отношений Дж. Наем и Р. Кеохэйном, утверждавшими, что транснациональное отличается от межгосударственного тем, что в первом случае хотя бы один из партнеров взаимодействия не является национальным актором³⁷.

Датский исследователь Б. Флувбьерг отмечает, что каждый человек — «существо, рассказывающее истории» (story telling animal), однако при этом совсем не обязательно, что профессиональные рассказчики историй — это добросовестные исследователи конкретных случаев и ситуаций³⁸. Попробуем выявить элементы транснациональной политической картины мира, используя для этой цели нарративный анализ по методике американской исследовательницы С.К. Риессман. По ее мнению, «анализ в области исследования нарративов начинается с того, что мы изучаем формы, в которых излагается тот или иной личный опыт, а не только само содержание, выраженное

в языке. Мы как бы спрашиваем себя: почему эта история была рассказана именно таким вот способом? Ведь природа и мир сами по себе не рассказывают никаких историй. Это делают люди. Отсюда и неизбежность интерпретаций, ведь сами по себе нарративы являются репрезентациями опыта»³⁹. Согласно Риессман, в постпозитивистской методологии нет жесткой границы между фактом и его интерпретацией. Именно человеческий фактор и *наше воображение* определяют, что включается в нарратив, а что остается за его пределами, каким образом отдельные события складываются в единый сюжет и какой им придается при этом смысл.

Американская исследовательница предлагает использовать структурный метод анализа нарратива. Согласно ее мнению, при всем разнообразии репрезентации того или иного опыта, у всех нарративов, подобно стенам строящихся зданий, есть обязательные несущие конструкции, которые и следует в первую очередь анализировать. К числу этих конструкций профессор из Бостонского университета относит шесть элементов любого нарратива, а именно: 1) краткое резюме нарратива, т.е. его суть; 2) ориентация нарратива (время, место, контекст, участники); 3) последовательность (фабула) событий; 4) отношение автора к случившемуся (оценка); 5) разрешение ситуации (итог); 6) заключительная привязка к настоящему состоянию дел (так называемая «кода») ⁴⁰.

Используем метод Риессман для обнаружения «новых горизонтов трансцендентного» и, в частности, элементов транснациональной политической картины мира в нарративе профессора Лондонского университета (Бирбек) Костаса Доузинаса. Свою книгу «Права человека и Империя: политическая философия космополитизма» Доузинас открывает формулированием важных вопросов: каким образом современные интеллектуалы могут противостоять войнам, насилию, религиозному терроризму, попыткам — всему тому, что характеризует проблемы начала XXI в.? Способна ли политическая теория или философия помочь нам в осмыслении мира или в выработке многообразия политических взглядов и позиций? Какова роль университетского ученого в мире, в котором, продолжает действовать принцип — «кто не с нами — тот против нас»? ⁴¹ Доузинас полагает, что слишком часто представители академических сообществ ради карьерных соображений выбирали простой конформистский путь. Слишком часто университеты «раболопно» прислуживали интересам государства, нации или конкретной идеологии. Однако разве не является со времен Сократа главной целью университета поиск правды и истины — неотделимых составляющих справедливости и красоты? Разве не в этом заключены честь и достоинство европейской университетской традиции? ⁴²

«Позвольте мне рассказать причудливую историю (strange story) создания первого европейского университета в Болонье» ⁴³ — соглас-

но методике К. Риессман — это и есть первый (1) элемент нарратива Доузинаса, а именно краткое резюме, суть рассказываемой истории. Далее Доузинас раскрывает второй (2) компонент: ориентация нарратива (время, место, контекст, участники). Время — 1158 год; место — Болонья; контекст — возрождение Священной Римской империи и ее борьба с Ломбардской лигой городов; участники — император Фридрих I (Барбаросса) и четыре уважаемых профессора права — Булгаро, Мартино, Якопо и Уго. Третий элемент — (3) фабула событий. Во время борьбы императора Фридриха I с римскими папами он собрал в Ронкальской долине съезд, на который пригласил четырех правоведов из Болоньи. Трое из них высказались за примат римского права (чьим блюстителем являлся сам император Фридрих I) над правовыми обычаями ломбардских городов. В результате Фридрих I получил политическую легитимность, а правоведы — *Authentica Habita* — документ, фактически гарантировавший политическую защиту Болонского университета, а также свободу и безопасность его помещений, учеников и учителей по всей Европе.

Четвертый элемент нарратива (4) — это авторская оценка изложенных событий самого Доузинаса. Согласно мнению последнего, «доктора и студенты Болоньи получили свои академические права, приняв притязания империи и императора», ведь императоры часто опираются на юристов, философов и интеллектуалов, превращая их за небольшую компенсацию в своих апологетов⁴⁴. Космополитическое право, по оценке Доузинаса, всегда начиналось как критика несправедливостей регионального права, а заканчивалось идеологией империи. Однако чрезвычайно важен пятый (5) элемент нарратива, т.е. разрешение ситуации. Ведь в итоге был еще и четвертый юрист — Мартино, которые не стал апологетом императорской политики и поддержал право Ломбардской лиги городов. И император принял это решение Мартино.

«Какой же урок преподносит история Болоньи измученному академическому сообществу двадцать первого века?»⁴⁵ В чем заключительная привязка (6) к настоящему состоянию дел? Во имя правды и справедливости, отмечает Доузинас, важно чтобы европейская университетская традиция всеми силами сопротивлялась власти, включая государственную и экономическую, идеологическую и религиозную, а также власть СМИ. Университеты Европы должны оставаться местом сопротивления догматизму, морализаторству и конформизму. Являются ли права человека, задается вопросом Доузинас, защитным барьером против гегемонии или идеологического глянца рождающейся имперскости? Может ли космополитизм быть способом установления справедливости и примирения в условиях поздней стадии развития глобального капитализма?⁴⁶ Так или иначе, но «кода» Доузинаса звучит следующим образом: «Поверх граждан-

ства, поверх национальности и иной социальной принадлежности, европейский университет должен оставаться домом (oikos) и страной (patria) публичных интеллектуалов. Вот чему учит нас *Authentica Habita*: оставляйте открытыми тропинки и магистрали, которыми следуют странствующие ученые по дороге к знанию, открывайте новые пути, новые способы понять человечество, новые законы для космополитизма, которому еще суждено прийти (for a cosmopolitanism to come)⁴⁷.

Итак, как видно из нарративного анализа, центральное место у Доузинаса занимает идея европейского университета, который он — сам выпускник университета Афин и Лондонской школы экономики — обозначает метафорой «дома» (oikos). Для кого выстроен этот «дом»? Для «странствующих интеллектуалов» (своеобразных homo viator), идущих тропой поиска истины и правды. Однако за стенами этой «страны» (patria) публичных интеллектуалов Доузинас видит силы, стремящиеся к тотальному порабощению свободных людей — силы глобального капитализма, власть конформизма и гламурный соблазн новых империй.

Доузинас не случайно рассказывает историю про основание Болонского университета. Как мы помним, «анализ в области исследования нарративов начинается с того, что мы изучаем формы, в которых излагается тот или иной личный опыт...»⁴⁸. Из биографии профессора Костаса Доузинаса известно, что в 1974 г. он покинул Афины в результате участия в движении студенческого сопротивления против тоталитарного режима в Греции⁴⁹. С тех пор он с коллегами активно выступал с лекциями по всему миру в защиту прав человека⁵⁰. Рискнем предположить, что в этой истории про рождение европейского университета — герой политического философа К. Доузинаса — это Мартино. Именно с Мартино персонафицирует себя Доузинас, именно роль Мартино стремится играть Доузинас, но в начале XXI в. только Мартино противостоял императору Фридриху I Барбароса, а Доузинас — принципу политической философии президента Дж. Буша-младшего: «кто не с нами — тот против нас»⁵¹.

Как бы мы ни относились к трактовке космополитизма у Доузинаса, но в контексте целей нашей статьи нам важно было показать следующее. Нарратив Доузинаса связан с рядом феноменов, рассмотренных нами в первой части статьи. Даже из последней приведенной нами выше цитаты хорошо заметно насколько нарратив К. Доузинаса в части смешения идентичности «я» и «другого» связан с процессом креолизации мира. Использует Доузинас и идею космополитических рисков (причем напрямую ссылается на работы У. Бека). Наконец и странствующий публичный интеллектуал Доузинаса может напомнить «номада» Делеза и Гваттари. Таким образом, можно предположить, что черты транснациональной

современности, о которой мы писали в начале статьи, находят свое конкретное воплощение и в биографии, и в политической картине мира современного крупного европейского политического философа. Что же касается не только содержания, но и формы, то здесь транснациональность нарратива К. Доузинаса проявилась, с одной стороны в его активной апелляции к греческим и римским авторам (к Диогену, Зенону, Платону, Плутарху, Цицерону), с другой, — в солидном владении французской политической философской традицией (что логично, так как Доузинас учился также и в Страсбурге). Нарратив лондонского философа греческого происхождения отмечен большим количеством заимствований лексики из французской политической традиции, а в особо сложных местах и просто изложением французских вариантов. Например, цитируя Ж.Л. Нанси, Доузинас пишет: «Космос есть бытие вместе друг с другом, быть самими собой как другими, быть самими собой через других. Это означает “быть-чтобы” или “быть в направлении” [être a]...»⁵³

Итак, можно ли рассматривать укрепление элементов транснациональной политической картины мира в качестве конкретного воплощения расширения горизонтов трансцендентного, о которых шла речь в самом начале статьи? Становление сетевого сообщества, креолизация, информационная экономика, космополитические риски, развитие Интернета — не факт, что все эти феномены оказывают однозначное влияние на становление транснациональной идентификации и кристаллизацию транснациональной политической картины мира. Тем не менее, отвечая на сформулированный ранее исследовательский вопрос, представляются справедливыми две вещи. Во-первых, идея «европейского университета» как своеобразной среды или «крепости» трансцендентного субъекта — публичного интеллектуала в случае К. Доузинаса — это попытка ответа на глобальные вызовы, описывавшиеся в работах Болтански, Кастельса, Эриксона, Бека и других упомянутых авторов. Во-вторых, раскрывающаяся средствами нарративного анализа политическая картина мира К. Доузинаса содержит в себе элементы, соответствующие транснациональному измерению современности, даже с некоторым западноевропейским оттенком.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тульчинский Г.Л. Современность: имманентность и поиски трансценденции // Философские науки. 2013. № 5. С. 65 – 66.

² Тульчинский Г.Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. Вып. 1. С. 49 – 50.

³ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма – М.: НЛО. 2011. С. 155, 152, 157, 151.

⁴ Там же. С. 166.

- ⁵ Там же. С. 177.
- ⁶ Там же. С. 181.
- ⁷ Тутьчинский Г.Л. Личность как проект и бренд // Наука телевидения. Научный альманах / под общ. ред. Г. Гамалея; науч. ред. Е. Дуков. Вып. 8. – М.: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им. М.А. Литовчина, 2011. С. 254.
- ⁸ Там же. С. 257.
- ⁹ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. С. 199 – 200.
- ¹⁰ Там же. С. 211 – 212.
- ¹¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. С. 442.
- ¹² Капитализм и шизофрения. Беседа Катрин Клеман с Жилем Делезом и Феликсом Гваттари / Ежегодник *Ad marginen* '93. – М., 1994. С. 399 – 400.
- ¹³ *Deleuze G., Guattari F.* Mille Plateaux. Capitalisme et schizophrénie 2. Les éditions de Minuit. – Paris, 1980. P. 472 – 473.
- ¹⁴ Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма. С. 199 – 200.
- ¹⁵ Пивоваров Ю.С. Методологический фрагмент / Салмин: In memoriam // Полития, 2011. № 2 (61) С. 13 – 14.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Norris S., The micropolitics of personal national and ethnicity identity // *Discourse & Society* LA, 18 (5). 2007. P. 653
- ¹⁸ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. С. 81.
- ¹⁹ Там же. С. 496.
- ²⁰ Там же. С. 505 – 506.
- ²¹ Малинова О.Ю. Трансформация публичной сферы и динамика идейно-символического пространства в России (конец XX – начало XXI в.) // Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / под. ред. О.Ю. Малиновой. – М.: РАПН; РОССПЭН, 2011. С. 284.
- ²² Балахонская Л.В., Быков И.А. Сетевая философия: принципы создания и распространения интернет-текстов в рекламе и PR. Известия ПГПУ им В.Г. Белинского // *Общественные науки*. 2011. № 24. С. 23.
- ²³ Там же. С. 24.
- ²⁴ Быков И.А. Киберпространство как фактор развития политических идеологий // *Политическая наука*. 2008. № 2. С. 79 – 98.
- ²⁵ Бек У. Жизнь в обществе глобального риска – как с этим справиться: космополитический поворот. // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 22. – М., 2012. С. 59.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 58.
- ²⁸ Там же. С. 69.
- ²⁹ Там же. С. 61.
- ³⁰ *Eriksen T.H.* Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius // *Creolization: history, ethnography, theory*. Walnut Creek. 2007. P. 172 – 173.
- ³¹ Ibid. P. 164.
- ³² Ibid. P. 161, 175.
- ³³ *Cohen R.* Creolization and Cultural Globalization: The Soft Sounds of Fugitive Power // *Globalizations* Vol.4 (2) 2007. P. 369 – 384.
URL: http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/sociology/rsw/current/csacs/working_papers/creolization_and_cultural_globalization_the_soft_sounds_of_fugitive_power.pdf
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ Самаркина И.В. Публичная сфера в политической картине мира: структура, практики взаимодействия и векторы трансформации // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики: сб. науч. ст. – Краснодар, 2010. С. 62.
- ³⁶ *Rethinking Transnationalism* The Meso-link of organizations. L. Pries (Ed.). – NY, 2008. P. 7 – 8.

- ³⁷ Nye J., Keohane R. Transnational Relations and World Politics: An Introduction // International Organization. Vol. 25. No. 3 (summer 1971). P. 332.
- ³⁸ Flyvbjerg B. Five Misunderstandings about Case-Study // Qualitative Inquiry (Aalborg). 2006. Vol. 12. No. 2, P. 221; 240.
- ³⁹ Riessman C.K. Narrative analysis / A.M. Huberman and M.B. Miles (eds.) The Qualitative Researches Companion. Thousand Oaks, CA. P. 218.
- ⁴⁰ Ibid. P. 231.
- ⁴¹ Douzinas C. Human Rights and Empire: The Political Philosophy of Cosmopolitanism. – L., 2007. P. vi.
- ⁴² Ibid. P. vi.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Ibid. P. viii.
- ⁴⁵ Ibid.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid. P. x.
- ⁴⁸ Riessman C.K. Narrative analysis / A.M. Huberman and M.B. Miles (eds.) The Qualitative Researches Companion. Thousand Oaks, CA. P. 218
- ⁴⁹ Douzinas C. Professor Costas Douzinas / Biographical details. – URL: <http://www.bbk.ac.uk/law/our-staff/ft-academic/douzinas/biog>
- ⁵⁰ Douzinas C. Human Rights and Empire: The Political Philosophy of Cosmopolitanism. – L., 2007. P. 8.
- ⁵¹ Ibid. P. vi.
- ⁵² Ibid. P. 294.

REFERENCES

- Balahonskaya L.V., Bykov I.A. Network philosophy: for the establishment and spread of Internet texts in advertising and PR. *Izvestiya PGPU im V.G. Belinskogo. Obshchestvennyye nauki* [Social science]. 2011. No. 24 (in Russian).
- Bek U. Living in a society of global risk. How to deal with: a cosmopolitan twist. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii* [Bulletin of the Kennan Institute in Russia]. Issue 22. Moscow, 2012 (in Russian).
- Bykov I.A. Cyberspace as a factor of political ideologies. *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2008. No. 2 (in Russ.).
- Boltanski L., Chiapello E. *Novyy duh kapitalizma* [New spirit of capitalism]. Moscow, NLO [New Literary Review], 2011. 979 p. (trans. into Russian).
- Deleuze G., Guattari F. *Mille Plateaux. Capitalisme et schizophrénie 2*. Paris, Minuit, 1980.
- Douzinas C. Human Rights and Empire: The Political Philosophy of Cosmopolitanism. London, 2007.
- Douzinas C. Professor Costas Douzinas. Biographical details. Available at: <http://www.bbk.ac.uk/law/our-staff/ft-academic/douzinas/biog>
- Capitalism and Schizophrenia. Interview of Catherine Clément with Gilles Deleuze and Félix Guattari. *Ezhegodnik Ad marginen'93* [Ad marginen'93 Yearbook]. Moscow, 1994 (in Russian).
- Castells M. *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture.]. Moscow, National Research University "Higher school of economics", 2000 (trans. into Russian).
- Cohen R. Creolization and Cultural Globalization: The Soft Sounds of Fugitive Power. *Globalizations* Vol. 4. No 2. 2007. Available at: http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/sociology/rsw/current/cscs/working_papers/creolization_and_cultural_globalization_the_soft_sounds_of_fugitive_power.pdf
- Eriksen T.H. Creolization in Anthropological Theory and in Mauritius. *Creolization: history, ethnography, theory*. Walnut Creek, 2007.
- Flyvbjerg B. Five Misunderstandings about Case-Study. *Qualitative Inquiry* (Aalborg). 2006. Vol. 12. No. 2.
- Malinova O.Yu. The transformation of the public sphere and the dynamics of the ideological and symbolic space in Russia (the end of XX – beginning of XXI century). *Ideological and symbolic space of post-Soviet Russia: dynamics, institutional environ-*

ment, actors. O.Yu. Malina (Ed.). Moscow, RAPN; ROSSPEN [Russian Political Encyclopedia], 2011 (in Russian).

Norris S. The micropolitics of personal national and ethnicity identity. *Discourse & Society* LA. 18 (5), 2007.

Nye J., Keohane R. *Transnational Relations and World Politics: An Introduction*. International Organization. Vol. 25. No 3 (Summer 1971).

Pivovarov Yu.S. Methodological fragment. Salmin: In memoriam. *Politiya*. No. 2 (61) 2011 (in Russian).

Rethinking Transnationalism The Meso-link of organizations. L. Pries (Ed.). New York, 2008.

Riessman C.K. Narrative analysis. A.M. Huberman and M.B. Miles (Eds.). The Qualitative Researches Companion. Thousand Oaks, CA. 1994.

Samarkina I.V. The public sphere in the political picture of the world: structure, interaction and practice transformation vectors. *The transformation of the public sphere and the comparative analysis of new phenomena Policy. Collected articles*. L.V.Smorgunov, E.V. Morozova (Eds.). Krasnodar, 2010 (in Russian).

Tulchinskiy G.L. Modernity: immanence and transcendence search. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences]. 2013. No. 5 (in Russian).

Tulchinskiy G.L. Transcendental subject, posthuman personology and new perspectives of humanitarian paradigm. *Metodologiya i istoriya psihologii* [Methodology and History of Psychology]. 2010. Vol. 5. Issue 1 (in Russian).

Tulchinskiy G.L. The personality as a project and brand]. *Nauka televideniya. Nauchnyy almanah* [Science of TV. Science almanac]. G. Gamaleya (Ed.). Issue 8. Moscow, Gumanitarnyy institut televideniya i radioveschaniya im. M.A. Litovchina [Humanities Institute of Television and Radio Broadcasting], 2011 (in Russian).

Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Moscow, Republic, 1994 (in Russian).

Аннотация

В статье рассматриваются важные социально-экономические и технологические предпосылки, открывающие новые горизонты развития современного человека: становление сетевого общества и информационной экономики, процесс культурной креолизации, возникновение глобальных «космополитических рисков», эволюция публичной сферы под влиянием сети «Интернет». Во второй части статьи с помощью средств нарративного анализа исследуются элементы политической картины мира философа К. Доузинаса, отражающие новое транснациональное измерение современности.

Ключевые слова: современность, сетевое общество, транснациональный нарратив, транснациональная идентификация.

Summary

The article examines socio-economic and technological preconditions of the evolution of modern humanity: network society, informational economy, process of cultural creolization, global “cosmopolitan risks”, evolution of the public sphere under the influence of the Internet. In the second half of the article by means of narrative analysis we explore the elements of political world outlook of philosopher K.Douzinas in relation to the new transnational dimension of modernity.

Keywords: modernity, network society, transnational narrative, transnational identification.